

ОБРАЗ ТЕРРИТОРИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО

В основе статьи лежат материалы собранных автором биографических интервью и проведенного в 2013–2014 гг. прикладного исследования, в котором использовался метод фокус-группы. В статье поднимается несколько вопросов исследования территориальной идентификации. Первое — это роль рутинного, разделяемого всеми опыта жителя территории в идентификации с территориальной общностью. Восприятие климатических условий и других «лишений», работы и досуга, феномен «временичества», длинные северные отпуска, делящие год на части и другие социокультурные особенности территории важны для понимания идентичности и наиболее общих тенденций в общественном мнении ямальцев. Второе — механизм конструирования значения общности через обращение к истории и сопоставление с другими на основе значимых характеристик. Смыслы, диктуемые историей региона и повседневной жизнью современных ямальцев, преломляются через сравнение с образами других значимых территорий — «землей» в целом, Москвой, крупными региональными центрами, депрессивными в социально-экономическом отношении регионами, развитыми северными территориями, например, такими популярными образцами социального благополучия, как скандинавские страны. Третье — различие между сложившимся образом территории и образом территориальной общности. Публичный дискурс о территории (полярный круг, богатство земли полезными ископаемыми, амбициозные инфраструктурные проекты и пр.) создает образ уникальный и привлекательный, но может не создавать образов для идентификации современных жителей. Предметы гордости могут находиться в иной плоскости, нежели те смыслы, которые жителям приятно примерять к себе. Наконец — в разных контекстах может использоваться не одна, а несколько значимых территориальных категорий, несущих разное смысловое наполнение и выражающих гордость, солидарность, привязанность к территории — северяне, Ямал, Арктика, городские общности.

Ключевые слова: территориальная идентификация, территориальная общность, образ территории, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Макушева Мария Олеговна — кандидат социологических наук, независимый исследователь, аналитик Экспертно-аналитического управления Департамента внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа (makushevam@gmail.com)

Makusheva Maria — Candidate of Science (Sociology), independent researcher, expert at Internal Policy Department, the Government of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (makushevam@gmail.com)

Данные

В основу статьи легли первичные материалы исследования «Образ территории и территориальная идентификация жителей Ямало-Ненецкого АО», проведенного в 2013 г. Полевой этап был осуществлен в ноябре 2013 г. специалистами НТЦ «Перспектива» (г. Тюмень) по заказу РОО «Центр развития гражданских инициатив ЯНАО». Метод сбора данных — фокусированные групповые интервью. География исследования — г. Салехард (4 фокус-группы) и г. Новый Уренгой (4 фокус-группы). В исследовании принимали участие постоянно проживающие на территории города не менее 5 лет и достигшие совершеннолетия респонденты (фактически самому младшему участнику было 24 года); также контролировалась переменная сферы занятости, чтобы включить как занятых на предприятиях ТЭК, так и в государственных и муниципальных учреждениях и организациях. Участники групп отбирались случайным образом по квотам. Фокус-группы длились не менее двух часов без перерыва. Программа и инструментарий были подготовлены автором при консультативной помощи Н.Ю. Замятиной, кандидата географических наук, старшего научного сотрудника факультета социально-экономической географии МГУ (см. Приложение). Дополнительно использовались собственные интервью из неоконченного проекта (8 интервью), взятые по методике нарративного интервью у жителей двух городов — Салехарда и Надыма, проживающих на территории более 15 лет, работающих, в том числе до выхода на пенсию, в разных сферах — культуры, строительства, ТЭК, частного бизнеса. Некоторые, наиболее интересные и проблемные, на наш взгляд, фрагменты из этих интервью будут раскрыты в статье.

В **задачи** статьи входит анализ сформировавшихся у жителей округа представлений о себе как о территориальной общности. Надо отметить что округ представлен в исследовании двумя очень отличающимися друг от друга территориями — газодобывающим Новым Уренгоем и старожильческим, не связанным с добычей, ныне административным центром — Салехардом. В частности анализируются основания идентификации и содержание солидарности с общностью, те значения, которыми наделяется территориальная общность через сопоставление и противопоставление с другими, категории репрезентации членства в ней. При этом мы оставляем за рамками обсуждения многочисленные нюансы, которые территории отличают, рассматривая лишь общее.

Теоретическая рамка

Социальная идентичность и социальная идентификация — понятия, которые в социологии имеют разные, отчасти пересекающиеся, отчасти расходящиеся определения. Основными точками расхождения можно считать стабильность, устойчивость, понимание идентичности как тождества во времени либо текучесть, контекстуальность, относительность, понимание идентичности как процесса. Этот спор описан Э. Гидденсом, З. Бауманом, Р. Брубейкером (Giddens 2001; Бауман 2005; Брубейкер 2012). Так, Р. Брубейкер называет их сильной и слабой концепциями идентичности (Брубейкер 2012: 82–83). Жест-

кие коннотации, эссенциалистский подход имеют свои недостатки. Применительно к нашему предмету они не учитывают ситуативности категоризации и мобилизации: сегодня, под влиянием информационной повестки дня, я чувствую солидарность с россиянами, завтра — с сибиряками, определенные темы в публичной повестке непременно вызывают у меня как у петербуржца отклик и чувство сопричастности, и т. д. Слабые определения отрицают тождественность, идентичность признается текучей и фрагментарной, нестабильной. Имеет ли смысл говорить о территориальной общности, если она возникает ситуативно и существует только как мимолетный эмоциональный отклик? Как указывает Брубейкер, слабые концепции могут быть непригодными для выполнения полезной теоретической работы из-за своей «эластичности».

Историческая память, идентификация с территориальной общностью может быть в разных регионах более или менее единообразной, устойчивой и мобилизованной. Но региональная и городская идентичности как способ обращения к солидарности существуют в каждом регионе, как существует у жителей каждого региона некоторый набор представлений о себе. Можно сказать, что есть идентичности «сильные», способные выводить на улицы и сплачивать для организованного действия, а есть «слабые» или, другими словами, немобилизованные, над которыми доминируют другие различия и другие категории — религии, этничности и т. д. Но это не делает их несущественными. Говоря «москвичи», «петербуржцы» или «салехардцы», мы пытаемся увести различия на второй план, постулируя, как говорит К. Калхун, «глубину во времени и внутреннее единство» (Калхун 2006: 41). Эти попытки более успешны там, где имеются предпосылки — соответствующая территориальная общность осознается, выделяется из других, имеет смысловое наполнение, существует эмоциональная реакция от осознания себя ее частью. В наши задачи не входило оценить степень выраженности территориальной / локальной идентичности в сравнении с другими, находящимися в той же, условно выстроенной плоскости, изучить идентичность как фактор коллективного действия, политическое значение региональной идентификации. Мы стремились изучить значения и контексты, понять, кто имеет склонность испытывать солидарность с теми или иными территориальными общностями, считает ли себя их членом и почему. В соответствии с такими исследовательскими задачами, наше понимание идентичности должно быть скорее мягким, способным учесть следующие аспекты.

Идентичность ситуативна, что означает не только то, что идентичность, постоянно присутствующая в структуре представлений о себе, актуализируется в определенном контексте, но и то, что она формируется под влиянием типичных ситуаций, представленных в опыте человека, во взаимодействии с окружающей реальностью, поддерживается, переопределяется (Jenkins 2008). Идентичность не проявляется в каждый момент времени, является актуализируемым и мобилизуемым чувством сопричастности (см., напр.: Брубейкер 2012; Castells 2010; Jenkins 2000a).

Возможно, не все категории, которые обозначают пространственные единицы (Ямал, Север, название конкретного города и т. п.), значимы для людей,

обладают устойчивыми значениями (на что указывает, например, Дж. Ло (Law 1999)), чертами узнаваемости. Этот вопрос рассмотрен также в рамках концепции вернакулярных районов (напр.: Hale 1971; Jordan 1978) — существуют модели восприятия территории обывателем, не выстраивающим специальной классификационной системы, продукт повседневного восприятия, который может отличаться от профессионального знания, от административно-территориального-деления. Кроме того, категории могут быть значимыми и не значимыми в разных контекстах. Например, «Арктика» значима в геополитическом ключе, но не как место жительства и соответствующая территориальная общность: наши респонденты никогда не говорили о себе как о «жителях Арктики». Но всегда говорят об «Артике», рассуждая о регионе, его роли, его позиционировании на международной арене. Также этот вопрос касается различения самоидентификации и внешней идентификации, в частности, официальной категоризации.

Мы используем идентичность как аналитическое понятие, обозначающее **чувство принадлежности индивида к выделяемой общности** (в нашем случае — территориальной), исходя из сформированного образа общности и диспозиций индивида. Концептуальную основу для изучения социальной идентификации в нашей работе составляют работы П. Брубейкера (в первую очередь, его тезис о текучести «групповости»), Х. Сакса (категоризация и репрезентация членства посредством речевых практик), М. Сомерса (идеи о дестабилизирующих идентификацию измерениях пространства и времени), С. Холла (дискурсивные практики, служащие точками притяжения к позициям), К. Калхуна (идеи о категоризации), П. Бурдые (диспозиции, габитус).

Говоря о чувстве принадлежности, мы имеем в виду соотношение образа Я с совокупностью интериоризированных образов территориальных общностей (Шматко, Качанов 1998; Брубейкер 2012), включающее как солидарность с группой, проявляющуюся в тех или иных ситуациях, так и осознанное отличие от других. Р. Брубейкер определяет идентичность как «...чувство принадлежности к отдельной, ограниченной группе, включающее как осознанную солидарность или единство с другими членами группы, так и осознанное отличие от определенных чужаков» (Брубейкер 2012: 99).

Отталкиваясь от данного определения, важно акцентировать также то, что идентичность включает в себя категоризацию. Под категоризацией мы понимаем как выделение группы на основе значимых черт, так и отнесение индивида к группе (о категоризации мы говорим в контексте, заданном в работах К. Калхуна и Р. Дженкинса (Калхун 2006; Jenkins 2000b)).

Анализируя тексты фокус-групп и интервью, мы принимаем, что ведущую роль в репрезентации территориальной идентичности имеют лексические средства. Но значения конкретных идентификационных категорий могут фиксироваться не только в форме понятий, но и в форме навыков, умений, в форме норм и т. д., на что указывают классики семантики А.Н. Леонтьев, Дж. Брунер и др. Так, Дж. Брунер выделяет три формы семантической репрезентации: через образ, действие (поведение) и через знаковую (вербальную) форму (Брунер 1977). Например, для кого-то из наших информантов могло быть важным

выразить себя через танец или песню. Но такие формы выражения сложны, требуют иной, визуальной или аудиофиксации, других методов анализа, и мы не считаем критичным для предмета то, что упускаем их из вида.

Рутин северного города

Первое, на чем хочется остановиться, это, собственно, базовый опыт «взаимодействия» людей с территорией. На основе контент-анализа совокупного текста ответов на вопрос «Что для Вас значит жить на Севере?» мы выделили несколько сфер жизнедеятельности и типичных ситуаций. В первую очередь — это личный рутинный опыт (ситуации, которые непосредственно возникают в памяти (без обобщений, анализа, конструирования обыденных теорий). Повседневность — наиболее важная составляющая жизненного мира. Идентификация с общностью проявляется не только в моменты напряжения чувств, в связи с какими-либо сильными раздражителями в виде внешней агрессии или общей проблемы, но и через осознание того, что окружающие разделяют твой типичный опыт и понимают тебя. Этот аспект очень важен для северян, т. к. они неоднократно подчеркивают, что отличаются от жителей «Земли», что узнают друг друга вдаль от Ямала, могут довериться земляку: *«Когда слышишь “северянин”, понимают, ... что ты с этим человеком сможешь быстрее найти общий язык, чем с жителем Юга, центральной части России и так далее. Потому что как бы только такое больше эмоциональное. Тут уже говорили — стиль жизни иной. Соответственно, ты понимаешь, что он может тебя понять»* (муж., г. Салехард).

Ямал для многих — это стабильность и возможность вести комфортный семейный образ жизни. Независимость для молодых и возможность поставить на ноги детей для старших. Это накопления и вложения. Конечно, не все имеют доходы, позволяющие делать крупные покупки. Но данная интенция — построение жизненного благополучия, — присутствует во всех интервью.

Другой важный аспект — это относительная компактность городов, что дает возможность комфортно и быстро перемещаться по ним на личном транспорте. В этом отношении многие противопоставляют города Салехард и Новый Уренгой большим городам «Земли». Компактность города позволяет больше времени уделить себе, делает ряд сфер доступней: *«Опять же, можно заниматься спортом, как бы на Земле с учетом отдаленности и пробок на самом деле очень многие сферы жизни являются как-то отрезанными от человека. Работа — дом, работа — дом. По пятницам люди пьют многие очень на Земле. Среди знакомых. Вот как бы такого нет. Люди шире, шире. Другие люди»* (муж., г. Новый Уренгой); *«К примеру, в отпуске, я каждый раз вижу эту уютную жару на все лето, пробки на несколько километров. Меня, честно говоря, не тянет»* (муж., г. Салехард).

Север — это и особый, размеренный ритм жизни. Отсутствие разнообразия в досуге, а также стрессовых внеплановых ситуаций (например, крупных пробок), предсказуемость жизни у многих респондентов вызывают положительные эмоции. Рутинность и предсказуемость позволяют больше времени уделить себе, заняться саморазвитием, сконцентрироваться на важных вещах: *«Еще хотел сказать насчет того, что здесь мало куда сходить. Мне, например, наоборот,*

это больше нравится. Это больше времени остается на саморазвитие. Дома, действительно, можешь уделить время себе. Тебя ничто не манит выйти на улицу, пойти куда-нибудь в клуб там или еще куда. То есть больше уделить время себе» (муж., г. Новый Уренгой).

Важная особенность северного образа жизни — это длинные отпуска. Как говорили респонденты, отпуска делят год на несколько частей: *«Для меня жизнь на Севере — это ожидание двух событий, которые таким образом отсчитывают мой очередной год. Я даже свой год не по дням рождения считаю. Вот как случился отпуск, а затем новый год — все, прожит еще один год»* (жен., г. Новый Уренгой); *«Жизнь на Севере — это ожидание отпуска»* (муж., г. Салехард).

Говоря об отпуске, нельзя не затронуть специфический опыт, который переживает каждый взрослый житель территории, приезжая в другой регион — это столкновение со стереотипом о богатых и щедрых, но глуповатых северянах. Это тот аспект, который непременно будит солидарность:

«Участник 1: Проще сказать, что ты с Москвы там. Нас еще спасает, что, допустим, какие-то города, нет, Тюмень, кстати, тоже считают достаточно обеспеченным городом. Участник 2: Шадринск. Говорите: Шадринск» (жен., муж., г. Новый Уренгой).

Базовый опыт для жителя Севера — это климатические условия, создающие дискомфорт и приносящие вред здоровью, о котором люди слышат от «медийных» врачей, короткое лето. Жить на Севере — это «жертвовать» и получать компенсацию. Однако природа Севера — это и «снежная сказка», холодная красота, не очень дружелюбная к человеку, одухотворенная, но суровая. Собственно взаимодействие людей с природой в условиях Севера сводилось в повествованиях только к «мужским» занятиям — охоте, рыбалке, езде на снегоходе. Отдых на природе — это не грядки, не любование березками, не *«полежать в летний день на солнечной полянке»*: *«Настоящий северянин, он знает, где рыбалка хорошая, как прорубь сделать ... Знает, когда где охотиться»* (муж., г. Новый Уренгой), *« ... [разбирается] Все виды буранов, снегоходов»* (муж., г. Салехард). Это уже «преодоление», а не «жертва». Таким образом, положительные коннотации — мотив «преодоления», «мужской гордости» от жизни в тяжелых условиях, — есть, хотя и не универсальны: *«В 30 градусов дети гуляют, в 40 градусов на работу ходят. Для всех это шок. Для отца, для меня, как мужика, — я горжусь этим»* (муж., г. Салехард); *«Романтика, потому что на Севере все равно она не ушла никуда. Мне нравится, что вот эти перепады температуры. Нигде такого нету. Мне нравится, что у нас первого июня идет снег»* (муж., г. Новый Уренгой); *«Зато когда где-то там находишься, то ли в командировке, то ли в отдыхе, все равно. Во всяком случае, у меня, где-то там в мозжечке сидит это, все равно уже тянет сюда на Север. Потому что когда проезжаешь, видишь уральские горы, рыбалочку, за грибами»* (муж., г. Салехард).

Выделение общности «мы» и смыслы, востребованные с точки зрения положительной самооценки

«Что для Вас значит жить на Севере?» — «Конечно, наверное, это солнце, которого у нас так очень мало и мы ценим его и стараемся присутствовать, так

скажем, в каждый момент, когда оно светит, и заглядываем на него. Ну, наверное, счастье, потому что, которое складывается из каких-то крупинок, маленьких, счастливых моментов и показывает, что действительно, что наша все-таки жизнь здесь сильно отличается от центрального» (жен., г. Салехард).

Идентификация происходит в сопоставлении с «другим» на основе некоторых значимых черт, результат этого сопоставления закреплен концептуально, линии сравнения с другими и формируют смысл территориальной общности. Свое значение территория Ямала и общность людей обретают через сравнение и различия (1) с «большой Землей» в целом, (2) с крупными городами, (3) с такими же небольшими, как и ямальские, городами России, с российской провинцией в целом, особенно с центром и югом России, (4) с комфортными северными территориями России (в первую очередь, с соседним ХМАО) и Северной Европой (со странами Скандинавии — Норвегией, Швецией).

Нас интересовало содержание категории «мы как территориальная общность» и, в основном, смыслы, востребованные с точки зрения положительной самооценки. Смыслы общности могут быть и часто бывают отрицательными, например, когда общность принимает внешнее, обесценивающее ее определение (см., напр.: Бурдые 2005). Мы обратили внимание на то, что смысл формируется во взаимодействии негативных и положительных значений. И выработка, закрепление положительное значений, по крайней мере, в нашем случае, может рассматриваться как стратегия по защите идентичности, попытка переопределить общность, обладающую низким престижем (например: *«Мы живем в провинции, зато они там совершенно бешеные в этой Москве, а у нас спокойные и милые люди»* (жен., пос. Тазовский, из личной беседы, не дословно); *«Тут холодней, не так комфортно, как на юге [то есть где-то в Тюмени и южнее], зато мы стойкие»* (муж., г. Салехард).

В структуре представлений о территориальной общности мы выделили несколько основных положительных смыслов, которые можно считать относительно универсальными для жителей двух исследованных отличных друг от друга территорий (анализировался совокупный текст ответа на вопрос «Что для Вас значит жить на Севере?» и ответов на другие связанные вопросы; в частности, применялась методика Х. Сакса (Sacks 1992) — категоризация членства).

1. Люди, сохраняющие особую культуру человеческих отношений, в которой важны взаимопомощь, доверие; общность, обладающая особыми морально-этическими качествами, создавшая социальную среду доверия; в целом — особый «менталитет». Второстепенные смыслы — сила, стойкость. Данные представления перекликаются с некоторыми чертами узнаваемости территории и предметами гордости, а именно — с суровым климатом. Холод климата вступает в оппозицию с теплотой сердец и служит основанием для обоснования специфического северного характера: *«Здесь люди со всего СНГ, да, собрались. Но как-то вот Ямал, наверно, Север в целом, людей переделывает. Перемалывал. Вот. То есть человек, который здесь уже пожил, вот, ну я, допустим, уже 22 года. И после того ты приезжаешь, ты чувствуешь себя другим там. Понимаешь, что ты с их менталитетом уже не сравнишься. Они уже другие, я другой. И мои дети*

другие» (муж., г. Салехард); *«Какое-то ощущение надежности всегда от человека, который говорит: “Я с Севера”. Обычно вот даже где-нибудь там встречаешься, ты уже спокойно, что называется, доверяешься ему. Если решать какие-то вопросы где-то там, это без проблем обычно»* (муж., г. Салехард).

Для поддержания идентификации членов с группой важны (в числе других символов) нарративы, которые обосновывают, закрепляют автостереотипы (теоретически значимость нарративов для конструирования идентичности осмыслена в работах С. Холла и М. Сомерса (Hall 2000; Somers 1992; 1994)). Ключевая история в данном контексте — это ситуация, в которой человеку требовалась помощь и северяне откликнулись, оказали поддержку, продемонстрировали широту души. Например, если видишь на дороге номерной знак «89», тебя не оставят в беде. Оппозицией северянам в данном случае выступают «москвичи», люди «на Земле» в целом: *«Идешь по дороге в мороз, да, а машина остановится — подберет. Сейчас немножко в целях безопасности, я так понимаю, немножко это теряется. Но раньше это было всегда. Или сломается машина — помогут»* (муж., г. Салехард).

Однако люди говорят об изменении в характере взаимодействия вне своего близкого круга. Специфическая культура доверия, в которую ранее погружались новоприбывшие и которая формировала положительные ожидания и модели поведения, исчезает (Штомпка 2012): *«И в целом сам Север... то, чем гордился, отношение людей, взаимопомощь и так далее, теряет, он теряет очень серьезно и очень быстро. Я понимаю, что это цивилизация, наступление и так далее, но при этом сохранить... вот это да. То есть основные ценности, чем гордились северяне, и они еще есть. И действительно, когда приезжаешь с Земли, сразу ощущаешь по отношению с людьми, что комфортно. Но эта комфортность меняется очень быстро. Буквально, смотришь с каждым годом, ну, чувствуешь дискомфорт от этого»* (муж., г. Салехард); *«Чтобы сохранить, чтобы на Севере люди в одном подъезде не захотят друг с другом знаться, что называется. Быть знакомы. Ты здороваешься, он проходит мимо тебя и с удивлением смотрит. Поздороваться или нет? Я приехал в те времена, когда родился Север»* (муж., г. Салехард).

2. Обеспеченные и уверенные в будущем люди, успешные люди, крепко стоящие на ногах. «Мы» — это те, кто, приезжая на «Землю», может чувствовать себя материально комфортно в сравнении с неблагополучными городами центра России: *«Россия очень большая. И, наверно, в большей части России нищета, голод, разруха. ... Россия — это не то место, где бы в большинстве мест я бы хотел побывать. Природа — да. А в целом, если рассматривать уровень жизни — нет. Мне приятнее чувствовать себя ямальцем»* (муж., г. Новый Уренгой).

Ключевые истории — это приезд «богатого северянина» в отпуск, к родне на «большую Землю», а также краткие посещения других городов России (не мегаполисов), вызывающих ощущение общего упадка в сравнении с городами Ямала.

В качестве обратной стороны образа существует некоторая обида. Во-первых, Север воспринимается сам по себе как лишение, требующее компенсации. Ранее, когда разрыв в оплате труда был более существенным, престиж работы на Севере поддерживался за счет этой разницы. Относительное снижение

компенсации (большие заработки в Москве и других крупных городах) приводит к депривации. Принадлежность к общности больше не дает прежнего престижа. Символический ресурс, к которому можно было прибегать ранее, для многих групп оказывается изъятым из повседневного обихода. Дополняет это чувство сравнение с городами ХМАО, которые иногда кажутся людям более симпатичными, с лучшей инфраструктурой (торговые центры, кинотеатры, в целом — места для семейного досуга), а также со странами Скандинавии — также северными, с суровым климатом, но более, по мнению людей, комфортными. Во-вторых, это столкновение со стереотипом о «богатых северянах». Здесь проявляется и обеспокоенность, чувство, что тебя стремятся обмануть, недоверие (которое подкрепляет уверенность в том, что своим, северянам, можно доверять); и обида за то, что северян считают богатыми простаками.

3. Мы — люди, которые живут спокойной и размеренной жизнью, могут посвятить время саморазвитию, семье. Мы — это не «москвичи», люди нервные и суетливые. Негативная сторона образа — это провинциальность, отличие от «продвинутых» столичных жителей, которое может проявляться, пусть и редко, в пренебрежительном отношении к местному.

Эти смыслы можно считать наиболее востребованными с точки зрения идентификации с территориальной общностью. Однако сама эта общность может выражаться в разных категориях. В начале статьи было приведено несколько теоретических положений Дж. Ло и других, дающих, на наш взгляд, объяснения этому. Во-первых, не все категории, закрепляющие административное деление или являющиеся продуктами членения территории географами, значимы для людей. Во-вторых, разные категории могут применяться в разных контекстах и не только в рамках ступенчатой иерархической организации пространства.

Региональное, макрорегиональное и общегражданское

При ответе на вопрос, что доминирует — местное, региональное или макрорегиональное, переплетаются исторический контекст, ситуация и текущий информационный фон, интериоризированный образ территориальной общности, референтно-групповые ориентации. Мы остановимся лишь на одном аспекте, возможно, специфичном для северян.

Когда мы просим человека сказать, кто он, имя в виду территорию, многие северяне до сих пор, даже переживая солидарность с местной территориальной общностью, говорят о себе «екатеринбуржец», «омич» и т. д. или же используют более широкую категорию — «северянин». Причин, как видится, две. Во-первых, многие сохраняют связь с местами исхода, имеют долгосрочные экономические стратегии, связанные с переездом на «большую Землю». На эту черту обращали внимание многие из тех, кто описывал жизненный мир северян (см., напр.: Яновский 1969; Замятина 2014). Во-вторых, имеет место низкий престиж проживания на северных территориях, «стигматизация» территориальной общности, ее рассмотрение в рамках модели «центр-глубинка» («Мы тут все — заложники Севера», «Кто не смог лучше устроиться ...» (жен., г. Новый Уренгой)).

Проблема соотношения локальной и общероссийской идентификации интересовала нас косвенно. Но она проявилась, например, в следующем. Одно из оснований идентификации — сформированное представление о «северянах» и «ямальцах» как благополучных россиянах, о Ямале — как о «благополучной России». Мы связали это с биографической ситуацией людей, мигрировавших в прошедшие десятилетия в поисках стабильности. Относительно высокие доходы и уверенность в будущем, а также визуальное отличие городов Ямала от других российских городов формировали для новоприбывших из депрессивных регионов опыт «иной России». Через этот опыт переосмысливалось само представление о стране и формировалась положительная идентификация «россиянин».

Образ общности и образ территории

Обратило на себя внимание то, что у многих респондентов возникала существенная трудность в определении того, кем они могут себя назвать: «северянами», «ямальцами» или жителями своего города («северянином, наверное, ямальцем... да, скорее второе», «ямальцем... даже, скорее, уренгойцем» — типичные высказывания этого блока). Часто, вкладывая в понятие «мы как жители территории» один и тот же смысл, разные респонденты использовали разные категории, и один и тот же респондент мог для обозначения «нас» использовать в ходе дискуссии разные категории.

Прежде всего, в этом сказывается несформированность образа общности «ямальцев». Семантически категория «ямалец» содержит больше образов, связанных с территорией, чем с людьми, ее населяющими (при анализе применялся метод свободных ассоциаций, ассоциативные ряды формировались также на основе контент-анализа совокупного текста ответов на другие вопросы). При этом образный ряд территории Ямала разработан и богат: Ямал выделяется в экономическом смысле, в административном, уникален природно-географически, имеет свои предметы гордости и известных представителей, политическое лицо — вызывающего симпатии молодого губернатора Д. Кобылкина, культурное лицо — писательницу А. Неркаги, прославленную «Белым Ягелем», и т. д. Все это вызывает гордость и желание похвастаться.

Главный вопрос состоит в том, можно ли идентифицировать себя с чертами территории, которые прямо не связаны с качествами людей, ее населяющих? Являются ли предметы гордости ямальцев аспектами их территориальной идентификации, если они никак не взаимодействуют с человеком? Большинство работ по этой тематике рассматривают идентификацию как соотношение с общностью людей. Однако часто в качестве элементов идентификации приводятся: идентификация с природно-климатическими особенностями, со значимыми историко-культурными объектами или событиями, с производимыми продуктами (см., напр.: Морозов, Улько, Зинев 2006; Анисимова, Ечевская 2012b). В нашем случае мы наблюдали, что концептуализация самой территории как сочетание конструкторов, проецируемых на нее (Замятина 2011) (Полярный круг, белые медведи, чумы, дикоросы или газовая отрасль, современные инфраструктурные проекты, развитие русской Аркти-

ки в целом), и концептуализация образа жизни человека на территории развиваются в разной логике. Все перечисленные выше составляющие образа территории вызывают гордость, но мало говорят о людях, живущих рядом. Например, экзотичность быта коренных народов вызывает гордость от близости, но не встраивается в структуру представлений о себе. Люди осознают отсутствие ярких и при этом гуманистических образов. То есть устоявшийся дискурс территории Ямала и современный арктический дискурс (см., напр.: Мартьянов 2013) не дают положительных идентификаций современным горожанам.

Поэтому и в плане самопрезентации категория «ямалец» не выгодна, о чем говорят сами респонденты. Сообщая, что ты ямалец, ты ничего не сообщаяешь о себе или сообщаяешь то, что не хочешь, и вынужден развенчивать мифы. Поэтому некоторые респонденты говорили, что они скорее назовут себя северянами, т. к. Ямал и ямальцы не известны за пределами Тюменской области, ассоциируются только с оленями и газом, Ямал часто путают с Ненецким округом. То есть категоризация может быть не постоянной, а ситуативной и зависит от того, как нас видят другие в нашем представлении. За границей знают Россию как Москву и Сибирь, которая не Москва. Поэтому мы как не-москвичи можем назваться сибиряками. Если я хочу сообщить о морально-этических качествах людей, то мы — скорее северяне. Если стремиться подчеркнуть, выделить нашу устроенность, благополучие — ямалец, может быть, уренгоец как житель газовой столицы.

Категория «северянин», в отличие от «ямальца», содержала больше характеристик и образов людей и чаще использовалась респондентами. Но она содержала другие ограничения. Во-первых, северяне — это не только мы, благополучные жители Ямала, но и жители территорий гораздо менее комфортных. Вообще, Север — он большой, а есть еще «наш Ямал». Люди стремятся выделить ямальцев, но не находят значимых различий с «северянами»: ямальцы — это «особые северяне», «помноженные на двое северяне». Если выделить только характеристики людей и связанные с ними образы, содержание категорий «северяне» и «ямальцы» очень похоже. Но образ северян более разработан.

Во-вторых, люди указывают, что некоторые аспекты образа северян (например, «романтики» и «энтузиасты») не современные, могут осмысливаться в комическом ключе («... а я еду, а я еду за туманом ... а я еду, а я еду за деньгами, за туманами пусть едут дураки»). Положительные образы первопроходцев, советских геологов, строителей людьми воспринимаются как гордость и красивый символ, но не как пример для подражания. Однако категория «северяне» остается предпочтительной и наиболее употребительной категорией (по шкале «близкий для меня / далекий», использовавшейся в составе семантического дифференциала для описания представлений респондентов о «ямальцах», «северянах» и других категориях, он также показывает наибольший балл «близости»).

Поэтому «мы» — это чаще северяне, живущие на Ямале, т. к. значимая общность — северяне, а значимая территория — Ямал.

Некоторые выводы

В качестве выводов хотелось бы указать на несколько проблем исследования территориальной идентификации жителей какого-либо региона.

Выделение территориальной общности «мы» и наделение ее смыслом происходит в сопоставлении с другими значимыми для жителей территориями (общей концепцией пространства). Для северян, как и для многих жителей регионов, важной параллелью является столица. Сравнения с ней, а также с другими мегаполисами России, задают ряд контекстов, положительных и отрицательных. Другие параллели — российская глубинка, благополучные города Северной Европы. И выработка и закрепление положительных значений, по крайней мере, в нашем случае, может рассматриваться как стратегия по защите самооценки себя как члена общности, попытка переопределить общность, обладающую низким престижем. Этот аспект может быть назван символическим капиталом территории. Ключевым значением для северян является отсылка к особой культуре человеческих отношений, культуре обобщенного доверия, сформированной первыми волнами заселения. Большинство нарративов о северянах закрепляют эту черту. Оппозицией северянам в данном случае выступают «москвичи», люди «на Земле» в целом. Важна также отделяющая северян от жителей остальной российской глубинки материальная обеспеченность.

Для самоописания, манифестации собственной принадлежности могут применяться разные территориальные категории, что зависит от контекста и суммы коннотаций разных категорий. Использование категорий ситуативно. Например, желая подчеркнуть свою обеспеченность, респонденты могли говорить «мы — уренгойцы», желая указать на теплоту человеческих отношений — «мы — северяне». Теоретически довольно сложно отделить ситуации, когда используется другая категория, от ситуаций, когда человек проявляет солидарность с другой группой.

Собственно категория «ямалец» используется относительно реже, чем «северянин», даже для указания на одну и ту же общность. Здесь, на наш взгляд, проявляется проблема соотношения образа территории и образа территориальной общности. Категория «ямалец» семантически содержит больше образов, связанных с территорией, но не с людьми, ее населяющими, и не всегда черты территории могут лечь в основу идентификации с ней. Разработанный в публичном дискурсе и вызывающий гордость образ Ямала как территории зачастую не увеличивает символический капитал современного жителя. У используемой чаще категории «северянин» другие ограничения, связанные с тем, что это, во многом, ретро-образ.

Литература

Анисимова А., Ечевская О. «Сибиряк»: общность, национальность или «состояние души»? // *Laboratorium*, 2012а, 4(3), с. 11–41.

Анисимова А., Ечевская О. Сибиряк: составляющие образа / особенности идентичности. Сайт фонда имени Фридриха Эберта, 2012б. [http://www.fesmos.ru/netcat_files/userfiles/Ru_Persp_Sibirjak_ru.pdf. 2012б]. Дата доступа: 26.08.2015.

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.

Бурдые П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки, 2005, 2. [<http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vozproizvodstve-legitimnogo-yazyuka>]. Дата доступа 2.06.2015.

Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география, 2011, 4(5), с. 60–68.

Замятина Н.Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // Неприкосновенный запас, 2014, 5(97). [<http://magazines.russ.ru/nz/2014/97/15z.html>]. Дата доступа 2.06.2015.

Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006.

Мартьянов В.С. Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН, 2013, 13(1), с. 83–96.

Морозов Е.В., Улько Е.В., Зинев С.Н. Локальная идентичность и готовность субъектов к социально-преобразовательной активности // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Всеросс. науч. конф. Москва, 20–21 октября 2006 г. С. 737–743.

Территориальная идентичность в постсоветском пространстве // Пресс-релиз исследовательской группы «Циркон» от 15.03.2013. [<http://www.zircon.ru/publications/evraziyskiy-monitor-issledovaniya-v-stranakh-sng/>]. Дата доступа: 26.09.2015.

Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования, 1998, 4, с. 94–101.

Штомпка П. Доверие. Основа общества. М.: Логос, 2012.

Яновский В.В. Человек и Север. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1969.

Castells M. *The power of Identity*. West Sussex: Blackwell Publishing, 2010.

Giddens A. *Modernity of Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 2001.

Hale R.N. *Map of Vernacular regions in America*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1971.

Jenkins R. The limits of identity: ethnicity, conflict, and politics, *Online Papers in Social Research*, 2000a, 2. [http://www.sheffield.ac.uk/polopoly_fs/1.71447!/file/2jenkins.pdf].

Jenkins R. Categorization: Identity, Social Process and Epistemology, *Current Sociology*, 2000b, 48(3), pp. 7–25.

Jenkins R. *Social Identity*. 3rd ed. London: Routledge, 2008.

Jordan T. Perceptual Regions of Texas, *Geographical Review*, 1978, 68(3), pp. 295–307.

Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity, in: *Actor-Network and After*, ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999.

Hall S. Who needs identity?, in: Gay P., Evans J., Redman P. (eds.) *Identity: a reader*. London: Sage Publications, 2000, pp. 15–30.

Sacks H. *Lectures on conversation*. Vol. 1. Ed. by G. Jefferson. Oxford: Blackwell, 1992.

Somers M.R. Narrativity, Narrative Identity, and Social Action: Rethinking English Working-Class Formation, *Social Science History*, 1992, 16(4), pp. 591–630.

Somers M.R. The Narrative Constitution of Identity: A Relational and Network Approach, *Theory and Society*, 1994, 23(5), pp. 605–649.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

вопросы сценария фокусированного группового интервью

1. Кем Вы себя считаете прежде всего, россиянином, северянином, ямальцем, может быть, сибиряком? С кем Вы почувствуете большую близость, о ком можете сказать «мы»? Почему Вы выбрали именно этот вариант?
2. Что для Вас значит жить на Севере?
3. Каковы Ваши планы и желания на Севере на ближайшие пять лет, что Вы считаете для себя главным в жизни в этот период? На ближайшие 10-15 лет?
4. Что первое приходит Вам на ум, когда говорят «северянин»? Когда говорят «ямалец»? «Сибиряк»? Другие категории, названные участниками?
5. Скажите, похожи ли города в округе на другие города России или мира?
6. Скажите, отличаются ли города в округе между собой? Чем?
7. Некоторые считают, что Север — не место для жизни, здесь нужно работать, зарабатывать и уезжать. Другие с ними не согласны. А Вы как думаете?
8. Некоторые хотели бы, чтобы их дети после окончания школы и получения образования остались / вернулись в регион, некоторые — чтобы дети жили в другом месте. А Вы?
9. Как Вы считаете, как в других регионах России относятся к жителям наших территорий?
10. Кем или чем, на Ваш взгляд, Ямал может гордиться?

В ходе фокус-групп участникам предлагалось заполнить карточки и оценить основные территориальные категории («ямалец», «северянин», «сибиряк») по биполярным шкалам (методика семантического дифференциала; за основу взято исследование национальных стереотипов А.Г. Шмелева («Психодиагностика личностных черт») и «сказочный» семантический дифференциал В. Петренко («Основы психосемантики»); использовались подходящие к теме шкалы с наибольшей факторной нагрузкой — «сильный / слабый», «неуверенный / уверенный» и т. д., всего — 16 пар).